

С. Л. Катречко

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ ОПЫТА
И СОВРЕМЕННАЯ
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ¹

Предпринимается попытка построения трансцендентальной философии науки, основанной на оригинальной трактовке кантовского трансцендентализма (теории опыта), и его развития в новых условиях. При этом показывается, что современная (постпозитивистская и аналитическая) философия науки, по сути, следует духу коперниканского переворота как измененного метода мышления.

This article sets out to develop a transcendental theory of science based on the original interpretation and modern development of Kant's transcendentalism (theory of experience). The author shows that modern (postpositivistic and analytical) philosophy of science follows the spirit of Kant's "Copernican revolution" as "the new method of thought" [CPR, B XVIII].

Ключевые слова: трансцендентальная философия, трансцендентальный метод (аргумент), кантовская теория опыта, философия науки, косвенное явление, коперниканский переворот, трансцендентальная теория математики и физики.

Key words: transcendental philosophy, transcendental method (argument), Kant's theory of experience, philosophy of science, indirect phenomenon, Copernican revolution, transcendental theory of mathematics and physics.

Кант называет трансцендентальным исследование, занимающееся «не столько предметами, сколько нашим способом познания предметов как возможного *a priori*» [3, 42; В 21]² и в основе которого лежит «измененный метод мышления» [3, 19; В XVIII], направленный на выявление трансцендентальных условий эмпирического. Формально структура трансцендентального метода (аргумента) выглядит так³:

1. *E* (где *E* — некоторый опытный факт).

© Катречко С.Л., 2012

¹ Здесь я продолжаю развитие трансцендентализма, начатое мной в работах [7–14]; см. другие мои работы на сайте: http://www.philosophy.ru/library/katr/1_text.html#trans. Данное исследование поддержано грантом РГНФ № 12-03-00503.

² Перевод дан в моей редакции — С.К.

³ Термин «*трансцендентальная аргументация*» (*аргумент*; англ. *transcendental argument(s)*) восходит к кантовской трансцендентальной дедукции категорий и аналогиям опыта из «Критики чистого разума». В качестве технического «*transcendental argument*» появляется лишь в 30-е годы XX в. у Дж. Остина. Вместе с тем формальная структура трансцендентального рассуждения схожа с объяснительными схемами К. Гемпеля, т. е. соответствует индуктивному способу рассуждений [1, с. 93].

2. P есть необходимое условие E (где P — *не-опытная* (априорная) «гипотеза»).

3. Следовательно, P .

Тем самым трансцендентальный метод выявляет необходимый и достаточный набор априорных предпосылок P , или *трансцендентальных условий* [3, с. 504; А 106]⁴, некоторой совокупности опытных [«физических»] данных E , исследование которого и составляет задачу (предмет) трансцендентальной философии. Отсюда видно, что трансцендентализм представляет собой первую в истории мысли *теорию опытного знания*⁵, а любая философская теория/ концепция науки (в современном смысле слова) является в той или иной мере трансцендентальной. Вместе с тем современное постпозитивистское развитие философии науки во многом идет в русле кантовских интенций, что позволяет по-новому взглянуть на трансцендентализм и предложить его современную интерпретацию.

* * *

Наша первая задача заключается в том, чтобы дать общий абрис кантовского трансцендентализма, смысловыми составляющими которого выступают понятия «*трансцендентальное*», «*коперниканский переворот*», «*трансцендентальная дедукция категорий*» и кантовское различие «*вещь-сама-по-себе vs. вещь-для-нас*».

Центральным в этом перечне выступает концепт *трансцендентального*. Причем если в докритических работах Канта этот термин практически не встречается, то в «Критике чистого разума» он используется многократно, причем в самых различных словосочетаниях. Многообразие кантовского словоупотребления и неизбежная при этом флуктуация смысла термина при отсутствии четкого определения *трансцендентального* у самого Канта затрудняет понимание как самого термина, так и всей кантовской трансцендентальной философии. Поэтому начнем с выявления глубинной кантовской интуиции, лежащей в основании концепта *трансцендентального*, его первичного смыслового ядра.

Первоначальный анализ кантовских текстов позволяет сформулировать следующий список случаев употребления этого термина⁶. Для Канта *трансцендентальное*:

1) есть не всякое априорное знание, а лишь его некоторая часть, касающаяся возможности и применения априорного познания; объясняет [возможность] существование априорных представлений⁷;

⁴ Г. Аллисон называет их *эпистемическими условиями*. В современной философии науки они выступают как *онтологические и/или гносеологические* основания научных теорий.

⁵ Об этом, в частности, говорит Г. Коген в своей работе «Теория опыта Канта».

⁶ За основу взят список возможных трактовок термина *трансцендентального* из работы [15].

⁷ Этот пункт соответствует «итоговому» кантовскому определению трансцендентального: «трансцендентальным (т.е. касающимся возможности или применения априорного познания) следует называть не всякое априорное знание, а только то, благодаря которому мы узнаем, что те или иные представления (созерцания или понятия) применяются и могут существовать исключительно а priori, а также как это возможно...» [3, с. 73; В 80–81].

2) занимается не познанием предметов, а способом нашего априорного познания⁸;

3) обозначает не отношение нашего познания к вещам, а отношение нашего познания к познавательной способности⁹;

4) предшествует опыту и делает его возможным, но не выходит за пределы опыта;

5) отличается от эмпирического, но не тождественно трансцендентному¹⁰.

Ключевым здесь выступает противопоставление *трансцендентального эмпирическому* (см. п. 5). При этом возникает соблазн отождествить *трансцендентальное* с некоторой «частью» *априорного* (см. п. 1), что неверно, поскольку решающим моментом для понимания сути этого противопоставления выступает кантовская характеристика трансцендентального из п. 2 и 3. Трансцендентальное противостоит эмпирическому, но в другом отношении, нежели априорное, что напоминает противопоставление *естественной* (натуралистической) и *феноменологической* установок сознания у Гуссерля. Точнее, это противопоставление связано с *эпистемологическим поворотом* Нового времени, который, собственно, Кант и совершает. Если рассмотреть познавательный акт человека как соотношение *эмпирических* субъекта и объекта, т.е. наш опыт *познания предметов*, то трансцендентализм (как об этом говорится в п. 2 и 3) смещает интенцию анализа с *предмета* на само *познание*, или нашу *познавательную способность*. Тем самым трансцендентализм выступает как *познание* «нашего способа познания [предметов]». Схематично это соотношение, если *опытное познание* рассматривать как опосредующий субъект и объект термин, можно представить так:

вещь – (эмпирическое) – *опытное познание* –
(трансцендентальное) – *сознание*

При этом трансцендентальное скорее не противостоит эмпирическому, а дополняет его, о чем говорит Кант в своем «итоговом» определении трансцендентального: «различие между трансцендентальным и эмпирическим причастно только к критике знаний и не касается отношения их к предмету» [3, с. 73; В 80 – 81]. Точнее, если попробовать развернуть сказанное Кантом, то исходный *предмет/объект* [познавания] под названием «вещь-сама-по-себе» для трансцендентализма и наивного реализма (эмпиризма) будет одним и тем же¹¹, но эмпиризм берет этот предмет не критиче-

⁸ См. кантовское определение трансцендентальной философии, приведенное в начале статьи.

⁹ «Словом *трансцендентальный*... я обозначаю отношение нашего познания не к вещам, а только к познавательной способности» [4, с. 66].

¹⁰ «Многократно указанное мною слово трансцендентальное... означает не то, что выходит за пределы всякого опыта, а то, что опыту (a priori) хотя и предшествует, но предназначается лишь для того, чтобы сделать возможным опытное познание. Когда эти понятия выходят за пределы опыта, тогда их применение называется трансцендентным и отличается от имманентного... т.е. ограничивающегося опытом» [4, с. 191] (ср. с п. 4 списка).

¹¹ При этом онтологического удвоения вещей не происходит: вещь-сама-по-себе и вещь-для-нас – это одна и та же вещь, хотя и взятая в разных – эмпирическом и трансцендентальном – отношениях. Кант говорит: «Критика... учит нас рассматривать объект в *двойном значении*, а именно как явление или как вещь саму по себе» [3, с. 23; В XXVII]. В западной литературе подобный подход получил название *двухаспектной интерпретации* (two-aspects interpretation) кантовского трансцендентализма.

ски и относит его к области *вещь* на схеме, а трансцендентализм уточняет, что под *предметом познания* следует понимать уже на вещь-саму-по-себе, а вещь-для-нас, т.е. рассматривает предмет познания как принадлежащий области *опытного познания* на схеме. Соответственно утверждения по поводу предмета познания надо относить к этой — *трансцендентальной* — области, которая не принадлежит ни области эмпирически-объективного, ни области эмпирически-субъективного, занимая пограничное между трансцендентным и имманентным положение¹².

Отсюда можно заключить, что специфика трансцендентализма как общефилософской концепции состоит в том, что если античная философия делает предметом своего изучения вещь/субъект, а Новое время в лице Декарта существенным образом переориентирует направленность философского внимания и делает предметом своего исследования сознание/субъект (*resp.* декартовское *cogito*), то Кант, смещая философское исследование в пограничную между субъектом и объектом область, делает предметом этого исследования *знание* или *опыт*. Соответственно трансцендентализм следует определить прежде всего как теорию опытного (по)знания.

В содержательном плане специфика кантовского трансцендентализма состоит в следующем. Пусть дана такая система основоположений опытного знания: 1) существуют (объективные) вещи; 2) они воздействуют на нас; 3) наше знание о вещах определяется этим воздействием. Кант рассматривает (критикует) два вида предшествующего идеализма: *проблематичный идеализм* Декарта и *догматичный идеализм* Беркли, которые подвергают сомнению или отрицают п. 1 и 2. Сам Кант эти пункты принимает и поэтому называет свою позицию *эмпирическим реализмом*, но он «отрицает» п. 3, точнее он совершает здесь свой «коперниканский переворот» и формулирует п. 3*, специфицирующий его *трансцендентальный идеализм*: 3*) вещи «подчиняются» нашему рассудку, его априорным формам. Однако введение п. 3* требует концептуального уточнения, поскольку требование «подчинения» эмпирических вещей априорным формам рассудка абсурдно. Поэтому Кант дополняет аксиоматику тезисом о различении вещей-в-себе и вещей-для-нас (= п. 4). С учетом этого различения п. 3* формулируется так: нашему рассудку «подчиняются» вещи-для-нас¹³. А п. 1 и 2, в которых речь идет о вещах-самих-по-себе, остаются без изменения.

В рамках предложенной аксиоматики важным положением, специфицирующим кантовскую теорию знания, является то, что любое (по)знание содержит в себе как опытную, так и априорную составляющие. Причем для самого Канта именно это различение первично, а не вторично, как это представлено в предложенном выше объяснении. Ведь Кант начинает свою *Критику* с положения о том, что хотя «всякое наше познание начинается с опыта» [3, с. 32; В 1], однако не сводится лишь к нему, содержа в себе то, «что собственная наша познавательная способность дает от себя самой»

¹² Вместе с тем трансцендентализм предполагает преодоление эмпирической точки зрения не только на *объект*, но и на *субъект* познания: познание осуществляется *трансцендентальным субъектом* (подробнее об этом мы говорим в [10]; см. также ниже).

¹³ Соответственно и на уровне суждений (как базовой «клеточки» знания): в суждении «А есть В» *субъект* А подчиняется *предикату* В.

[там же]¹⁴ и что выступает *априорной* составляющей знания. Суть кантовской аргументации в пользу необходимости наличия априорного такова: «В самом деле, если опыт должен учить меня законам, которым подчинено существование вещей, то эти законы, поскольку они касаются вещей самих по себе, должны были бы *необходимо* быть присущи этим вещам и вне моего опыта. Между тем опыт хотя и учит меня тому, что существует и как оно существует, но никогда не научает тому, что это *необходимо* должно быть так, а не иначе» [4, с. 69]¹⁵. Другими словами, любое научное знание содержит *законы*, но эти законы не могут иметь эмпирическое происхождение, поскольку невозможно объяснить генезис *формальных* априорных представлений, каковыми являются априорные формы чувственности и рассудка, из эмпирического (опытного) *содержания* [3, с. 93; В 119].

Здесь возникает *основная апория априоризма* (выражение Н. Гартмана): как возможно использовать в опыте то, что от опыта не зависит и предшествует ему, т.е. кантовские априорные формы (по)знания? Для разрешения проблемы совместимости априорного (метафизических конструкторов) с «физической» компонентой знания Кант и предлагает свою *трансцендентальную аргументацию* (*resp. дедуцию категорий*).

Выделяемая Кантом априорная компонента (по)знания, хотя и связана с нашей познавательной способностью, т.е. сознанием как «органом познания», однако не является *субъективной* в точном смысле этого слова, т.е. психической данностью *эмпирического сознания* человека. Точнее, важнейшей задачей трансцендентализма, как пишет Кант в предисловии к 1-му изданию *Критики*, становится «раскрытие и объяснение [посредством объективной дедуции] объективной значимости априорных понятий» [3, с. 11; А XVII], т.е. перевод их из области эмпирически-субъективного в область трансцендентального. Именно эта задача, как видно из итогового определения трансцендентального (п. 1 *списка*), для Канта главная. Этим выявляется еще один смысловой момент концепта трансцендентального, связанный с различением «априорное vs. трансцендентальное», в рамках которого трансцендентальное не выступает частью априорного, а выполняет функцию его обоснования «a priori относиться к предметам опыта» [3, с. 73; В 80–81]. Тем самым *трансцендентальное* у Канта имеет характер *двойной необходимости*. Первая из них — *априорная необходимость* — связана со всеобще-необходимым характером наших априорных субъективных представлений. Вторая — с *необходимым* характером отношения этих априорных представлений к опыту, т.е. с подчинением предметов опыта этим априорным представлениям. Согласно Ж. Делёзу, «*трансцендентальным называется принцип, благодаря которому опыт необходимо (resp. априорно) подчиняется нашим априорным представлениям*» [2, с. 20]. С учетом этого различения приведенная выше схема может быть скорректирована так:

вещь — (эмпирическое) — *опытное познание* — (априорное) —
сознание (трансцендентальное)

¹⁴ В своих подготовительных материалах к *Критике* Кант приводит в этой связи следующую аналогию: «Ведь предметы, которые мы лепим из глины, к примеру кирпичи, приобретают *форму* от нас, при том что глина берется из земли» [5, с. 74].

¹⁵ Данный аргумент является для Канта парадигмальным и повторяется им в других текстах.

Трансцендентальное выступает здесь как срединная пограничная область, образованная из левого края области эмпирического (опытного) и правого края области априорного. При этом в области трансцендентального можно выделить *объективную*, тяготеющую к [эмпирической] вещи (= трансцендентальный объект), и *субъективную*, тяготеющую к [априорному] сознанию (= трансцендентальный субъект), составляющие. Тем самым трансцендентализм можно рассматривать как некий *сдвиг* исследования вправо по сравнению с эмпирическим (ср. с начальным кантовским определением трансцендентализма) и исследование *трансцендентального предмета* (объекта) *трансцендентальным субъектом*.

Различение трансцендентального и априорного имеет первостепенное значение для понимания кантовского трансцендентализма, так как его суть состоит не столько во введении априорной составляющей в состав опытного знания (хотя это, безусловно, важно и составляет фундамент кантовской концепции, его первую специфицирующую характеристику¹⁶), сколько в попытке *строгого* обоснования введенных метафизических постулатов. Поэтому на априорные положения из приведенной вначале схемы трансцендентальной аргументации налагается ряд требований, цель которых — придать *P* *объективную значимость*, т.е. возможность их *эмпирического применения*. В связи с этим вопросу правомочности использования априорных *онтологических предикатов* (категорий) в опытном познании посвящена кантовская *трансцендентальная дедукция* (в широком смысле слова). Точнее, согласно Канту, каждое априорное *P* должно (1) подчиняться априорным условиям чувственности и (2) входить в состав *полной и непротиворечивой системы* априорных положений *P'*, что предвосхищает требования, налагаемые на современные формальные (логико-математические) системы. Несколько упрощая, можно сказать, что *полноту* своей метафизической системы Кант обосновывает посредством *метафизической дедукции*, а ее *непротиворечивость* — посредством *трансцендентальной дедукции категорий*¹⁷.

При этом трансцендентализм выступает как *Критика* предшествующей метафизики и «относится к обычной школьной метафизике точно так же, как химия к алхимии или астрономия к астрологии» [4, с. 132]. В своем существовании традиционная метафизика нацелена на исследование *предметов* познания, т.е. на область «физического», при осмыслении которого она постулирует некий метафизический фундамент, выступающий *основанием* для эмпирического. Так, когда мы утверждаем, что «тела/вещи состоят из материи», то мы, находясь в области эмпирического, на нашей схеме делаем шаг не вправо к трансцендентальному, а вниз к метафизическому. Трансцендентализм ищет основания эмпирического под именем *трансцендентальных условий* в «правой» [трансцендентальной] области, применяя найденные *трансцендентальные принципы*, с учетом кантовского различения вещей, к предметам опыта, т.е. к вещам-для-нас. Традиционная метафизика этого различения не учитывает и формулирует свои принципы/законы для [эмпирических] вещей-самих-по-себе, хотя для подобного у нее нет до-

¹⁶ Если ограничиться только этим, то концепция Канта (трансцендентализм) выступала бы в качестве *гносеологической* версии платонизма.

¹⁷ У Канта *метафизическая* и *трансцендентальная* дедукции четко не разделены (первая входит в состав второй). Более того, примерно в том же значении Кант использует выражение «объективная дедукция» и др. Подробней об этом мы говорим в [12; 13].

статочных оснований. Правота критического подхода становится очевидной, если мы будем говорить, например, о математических законах, которые формулируются для *идеальных* математических предметов (типа *кругов, треугольников* etc.), реально в самой природе не существующих (Галилей), и в силу этого не могут быть законами для эмпирических предметов. Понятно, что трансцендентальное соотносится не с эмпирико-физическими, а с идеально-математическими предметами и поэтому подчиняется трансцендентальным принципам, например тем же законам *чистой* математики, которые относятся к априорным пространству и времени.

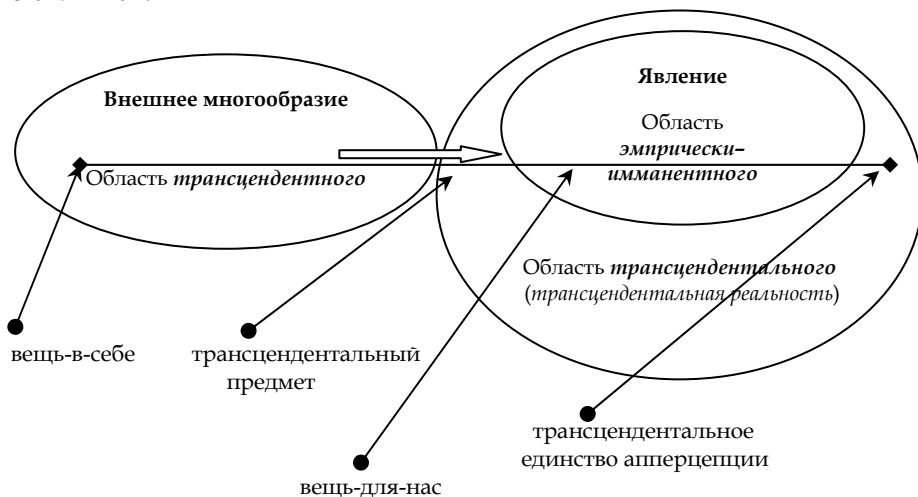
Все это позволяет сформулировать основной постулат трансцендентальной теории опыта (науки): наше претендующее на объективную значимость познание предметов разворачивается в трансцендентальной области, или в *символическом пространстве* (Э. Кассирер), опосредующем отношении между познающим субъектом (человеком) и миром. Его пограничный — между трансцендентным и имманентным — онтологический статус удачно иллюстрирует следующая, восходящая к Г. Фреге, аналогия. Представим, что мы наблюдаем некоторую звезду с помощью телескопа. Кантовской вещи-в-себе будет соответствовать сама звезда, ее субъективным (чувственным) представлением (явлением, вещью-для-нас) будет образ нашего сознания, а трансцендентальное же можно соотнести с изображением звезды на линзе телескопа, которое имеет *объективную значимость*, поскольку не является данностью нашего сознания, а соответствует звезде самой по себе, имея пограничный между объективным и субъективным статус¹⁸. Таким образом, можно говорить о постулируемой Кантом особой *трансцендентальной реальности*, которая в концептуальном плане может быть соотнесена с *интенциональной реальностью* Э. Гуссерля.

* * *

Основанием введения трансцендентальной реальности выступает, наряду с кантовским концептом трансцендентального субъекта, концепция *трансцендентального предмета* (в основном из 1-го издания *Критики*), а также развитие этой концепции в его учении о *косвенном явлении* из «*Opus postumum*». Кант вводит свой концепт трансцендентального предмета (объекта) как противостоящего трансцендентальному субъекту, вернее *трансцендентальному единству* апперцепции. В точном смысле слова в акте восприятия на вход наших органов чувств поступает не сам предмет, а некоторое чувственное многообразие, фундирующее соответствующие *чувственные представления*, «которые сами по себе [не] должны рассматриваться как предметы» [3, с. 503; A 104]. Однако наше сознание (в силу трансцендентального единства апперцепции) *едино*, и поэтому «все данное в созерцании многообразное *объединяется* в понятие об объекте» [3, с. 104; B 139; курсив мой. — К. С.]. Соответственно здесь можно говорить о *предмете* [чувственных] *представлений*, который выступает «коррелятом единства апперцепции» [3, с. 516; A 250] и который «должно мыслить только как нечто во-

¹⁸ Следует отличать кантовскую *объективную значимость* от объективного *существования*: звезда на линзе телескопа (образ звезды) объективно значима, но не существует в том же самом смысле, как звезда сама по себе. Вместе с тем звезда на линзе телескопа — кантовская вещь-для-нас.

обще = x » [3, с. 503; А 104]. При этом он «не может быть созерцаем нами и потому [является] неэмпирическим, т.е. трансцендентальным, предметом = x » [3, с. 503; А 109], т.е. по своему эпистемическому статусу выступает не чувственным, а рассудочным представлением, некоей *мысленной вещью*, посредством которой мы распознаем/узнаем в чувственном многообразии (явлении) то или иное понятие. Тем самым *трансцендентальный предмет* выступает как опредмеченная совокупность трансцендентальных условий, просвечивающая сквозь эмпирический предмет. Концептуально трансцендентальный объект занимает пограничное между кантовскими *вещью-в-себе* и *вещью-для-нас* положение. Схематически это соотношение можно представить так:

Свое дальнейшее развитие тема трансцендентальной реальности получает в концепции *косвенного явления* (resp. явления второго порядка) в последнем труде Канта «Opus postumum». Вот несколько ключевых цитат из этой работы:

Явление явления есть то, посредством чего субъективное делается объективным, так как оно представляется a priori [4, с. 437 (Convolut XL)].

Однако явление вещей в пространстве (и во времени) двоякого рода: 1) явление предметов, которые мы сами в него вкладываем (a priori) — метафизическое; 2) явление, которое дается нам эмпирически (a posteriori) — физическое. Последнее есть прямое явление, первое — косвенное, т.е. явление некоторого явления [4, с. 425].

Предмет косвенного явления есть сама вещь, т.е. такой предмет, который мы извлекаем из созерцания лишь постольку, поскольку мы сами вложили ее [саму вещь], т.е. поскольку она есть продукт нашей собственной познавательной способности... А именно: мы не могли бы иметь представление о твердом или мягком, о теплом или холодном и т.д. теле *как таковом*, если бы не составили себе предварительно понятия об этих движущих силах материи (притяжение или отталкивание...) и теперь смогли бы сказать, что одна или другая из этих сил принадлежит этому понятию. — Следовательно, даны априорные понятия как [необходимые] для эмпирического познания, которые, однако, из-за этого не суть эмпирические понятия... [4, с. 425].

Для прояснения кантовского концепта *косвенного явления* воспользуемся классическим различием первичных и вторичных качеств. В *прямом*

субъективно-эмпирическом явлении мы имеем ощущение *твердого* или *белого*. Понятно, что это лишь *вторичные* — субъективные — *качества* вещи; лишь то, как мы *ощущаем* эту вещь, но не вещь сама по себе, не ее первичные — объективные — качества. Явления же второго порядка вводятся нами как ответ на вопрос об *основаниях* эмпирических созерцаний: если мы воспринимаем это как белое (resp. теплое), то должно быть *что-то объективное* («вещь-в-себе»), вызывающее это ощущение белизны (теплоты). Вот это и есть та *мысленная вещь* (= трансцендентальный предмет), которая выступает объективным основанием наших субъективных ощущений.

Современная наука не может обойтись без *теоретических конструктов* высокой степени абстракции типа «струн» (физика), «генов» (биология), «фракталов» (математика)... и основанных на них научных моделей, которые выступают аналогами кантовских *косвенных явлений*. Трансцендентализм предохраняет нас в данном случае от наивного приписывания подобным теоретическим конструктам статуса объективно-реального. Например, символы *P* (давления), *V* (объема), *T* (температуры) из описывающего поведение газов закона Бойля — Мариотта ($PV = rT$) сами по себе реально (в природе) не существуют¹⁹. Они — лишь наши теоретические конструкты в рамках *представления* (= *косвенного явления*) о газе как совокупности хаотически движущихся шариков (молекул), которые посредством массового соударения оказывают *давление* на стенки сосуда. Вместе с тем подобные конструкты, если они удовлетворяют трансцендентальному критерию, имеют *объективную значимость*, т.е. соответствуют реальным процессам и могут быть использованы в опытном познании. Статус подобных теоретических конструктов и фундированных ими научных моделей является трансцендентальным, а совокупность таких (*трансцендентальных*) конструктов и составляет область трансцендентального (ср. с «третьим миром» Поппера).

* * *

Еще одна значимая для понимания трансцендентализма тема — кантовский *коперниканский переворот*, о котором в *Критике* говорится дважды. Более явственно Кант говорит о нем в предисловии ко 2-му изданию КЧР, где, собственно, и вводится эта метафора. Здесь Кант характеризует его как «измененный метод мышления, [который состоит в том], что мы *a priori* познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими²⁰» [3, с. 19; В XVI—XX], а в примечании к этому пассажи связывает «измененный метод мышления» (resp. коперниканский переворот) со своим различием вещей-самих-по-себе и вещей-для-нас, которое хотя и выглядит достаточно странным для обыденного рассудка (resp. обыденного метода мышления), но является единственно возможным (= необходимым) для построения адекватной теории опыта. Однако не менее важно для понимания сути коперниканского переворота его изначальное местоположение в тексте *Критики*, а именно то, что с него начинается [3, с. 96; § 14; В 132] и им заканчивается [3, с. 118; § 27; В 167] кантовская *трансцендентальная* дедукция катего-

¹⁹ Как, впрочем, и концепты *m*, *F*, *a* из второго закона Ньютона (см. ниже).

²⁰ Выделенное нами чуть ли не дословно повторяет понимание предмета косвенного явления: см. по этому поводу выше третью цитату из «Opus postumum» (*Convolut X L*).

рий, и это говорит о тесной концептуальной близости *коперниканского переворота* и *трансцендентальной дедукции*. Предлагаемое же Кантом решение состоит в том, что предметы опыта должны соотнобразовываться с нашими априорными формами (созерцаниями и понятиями), а чтобы избежать абсурдного положения о том, что независимые от нас предметы «подчиняются» нашим понятиям о них, Кант и вводит свое различие вещей-в-себе и вещей-для-нас.

Развитие современной философии проходит под знаком поворота к языку (Р. Рорти), а одним из важных результатов современной науки о языке стал так называемый *семиотический треугольник* Г. Фреге (Огдена — Ричардса), постулирующий наличие у знаков не только *значений* (референтов), но и *смыслов*. Применение этого различения позволяет предложить семиотическую трактовку коперниканского переворота, поскольку его можно рассматривать как утверждение о приоритете *смысла* [термина] над его *значением*. Поясним это на простом примере. Если у нас есть понятие *стола*, то реальный предмет, который мы будем соотносить с этим понятием, в каком-то смысле (например, в культурном функционировании) «подчиняется» этому понятию, т.е. связан с этим понятием *смысловым* комплексом «основоположений» о столе. Хотя, конечно, это подчинение нельзя трактовать физически.

Подобная семиотическая интерпретация кантовского коперниканского переворота позволяет утверждать, что развитие современной — постпозитивистской — философии науки следует *quasi*-кантовскому «измененному методу мышления», когда говорится о наличии в структуре знания «языкового каркаса» (Р. Карнап) и/или «концептуальной схемы» (Д. Дэвидсон)²¹, т.е. об имеющейся у нас концептуальной сетке как некоторой *связанной* системы понятий (ср. *холизм* Дюгема — Куайна), с которой должны согласовываться эмпирические (экспериментальные) данные. Если, например, у нас есть формула $F = ma$, то вводимый в ней, например, новый концепт *a* («ускорение») должен соотнобразовываться с уже имеющимися концептами «масса» и «сила», а его размерность будет предопределяться размерностями концептов *m* и *F*. Тем самым для систем связанного знания, к каковым принадлежит наука, базовой должна выступать не *корреспондентная* теория истинности Аристотеля, в большей степени тяготеющая к эмпиристским концепциям знания, а *когерентная* теория истинности Платона (ср. с приоритетом смысла над значением выше)²².

Конечной же целью *трансцендентальной теории опыта*, как это показывает развиваемая Кантом трансцендентальная дедукция, является такая

²¹ Прямым наследником кантовского трансцендентализма выступает концепция *внутреннего реализма* Х. Патнема (см. ее изложение в [16, с. 105—124]. К ней тяготеет и концепция науки У. Селларса, основанная на критике «мифа данного». Вместе с тем Канта называют также родоначальником *эпистемологического конструктивизма*, разновидностями которого являются *радикальный конструктивизм* и *социальный конструктивизм*. Однако концепцию Канта нельзя считать *анти-реализмом*, поскольку, как он сам говорит, его концепция выступает не только *трансцендентальным идеализмом*, но и *эмпирическим реализмом*.

²² В качестве примера, подтверждающего кантовскую мысль, здесь можно привести математику, в которой критерием приемлемости той или иной системы аксиом является ее непротиворечивость.

концептуальная сетка [категорий], которая удовлетворяет как *внутренним* критериям (прежде всего, критерию *непротиворечивости*), так и *внешнему* критерию, что позволяет использовать ее, несмотря на априорный характер, в опыте.

* * *

Еще раз обратимся к кантовскому определению трансцендентализма как «познания, занимающегося... видами человеческого способа познания...» [3, с. 44]. Этим вариантом перевода мы выделяем аспект *прикладного трансцендентализма*, связанный с [трансцендентальным] анализом не человеческого способа познания в целом, а отдельных видов научного познания, среди которых, вслед за Аристотелем и Кантом, мы выделяем прежде всего *естествознание* (физику) и *математику*²³. В этом смысле кантовский трансцендентализм выступает уже как *методология/философия науки*.

Основополагающим для Канта здесь становится тезис о том, что в общем случае научное (теоретическое) знание имеет *интуитивно-дискурсивный* характер, т.е. представляет собой синтез чувственных созерцаний (интуиций; *Anschauung*) и рассудочных понятий, которые, по Канту, являются «двумя основными стволами человеческого познания» [3, с. 46; В 29]. Точнее, речь идет о *предметном способе познания* (= способе познания предметов), поскольку существует и *непредметный способ познания*, который представлен, например, философией.

В данном случае Кант следует классической европейской философской традиции, выделяющей три основных типа познания: физику в широком смысле (т.е. естествознание), математику и метафизику, — образующих некое упорядоченное единство, базисом которого выступает физика, а «первой философией» — метафизика (см. фрагмент о четырехчастном отрезке из кн. 6 «Государства» Платона; кн. 6.1 «Метафизики» Аристотеля). Математика в этой триаде занимает срединное место, отличаясь от физики тем, что изучает не конкретные, а абстрактные объекты, а от метафизики своим предметным характером, являясь все же «второй философией». Трансцендентальный анализ придает этой классификации обоснованный (научный) характер.

Специфика соответствующего вида предметного познания предопределяется, по Канту, соотношением чувственности и рассудка. Так, если *естествознание* начинается с *чувственного созерцания*, которое впоследствии осмысливается рассудком с помощью понятий (рассудок «распознает» в образе то или иное понятие), то *чистую математику* Кант определяет как «*познание посредством конструирования понятий*» [3, с. 423; В 741], что означает соотнесение (= конструирование) первоначально вводимых с помощью дефиниций понятий с «общезначимыми созерцаниями» [там же], или кантовскими *схемами*.

Решающим же здесь становится то, что при предметном типе познания понятийные конструкции рассудка, или, что то же самое, теоретические конструкты современной науки, должны, по Канту, обязательно соотноситься со своим *предметом*, т.е. некоторым созерцанием (в кантовской терминологии). Это может быть сделано как посредством *опыта* или *экспери-*

²³ Прикладной трансцендентализм анализируется нами в [7—9].

мента (естествознание), так и посредством *доказательства* существования предмета в различных типах математического конструирования. В случае более сложных опытных практик роль созерцания, доставляющего предмет понятию, выполняет кантовское *косвенное явление*. Тем самым трансцендентализм запрещает использовать в познании «чистые» спекулятивные конструкции разума²⁴ и выставляет требование соотнесения дискурсивного понятия с соответствующим ему созерцанием. Причем именно эта необходимость соотнесения чувственности и рассудка составляет самую суть и основу кантовской трансцендентальной *дедукции* чистых рассудочных понятий как «правового» («*quid juris*») обоснования возможности их использования в познании, которая дополняется учением о *схематизме* (в случае математики) и концепцией *косвенного явления* (в случае теоретического естествознания).

При этом кантовский трансцендентализм фиксирует принципиальную разницу между *эмпирическим* и *теоретическим* способами познания, что следует рассматривать не только как узкое противопоставление физики и математики, но и в более общем виде, распространяя, в частности, это различие и на область гуманитарного (по)знания. Понятно, что методология опытного (интуитивно-дискурсивного) и рационального (дискурсивно-интуитивного) типов познания при этом будет существенно отличаться друг от друга, а в случае введения и использования в научном познании теоретических абстракций высокой степени общности критерием их правомочности может служить восходящее к Канту требование *конструктивного* способа их задания, а также необходимость построения для этих абстракций соответствующей *quasi-созерцательной модели*, т.е. кантовского *косвенного явления*. Без выполнения этих трансцендентальных требований мы рискуем «выпасть» из науки и оказаться в области хотя и высокоинтеллектуального, но все же *quasi-научного* симулякра.

Список литературы

1. Гемпель К. Г. Логика объяснения. М., 1998.
2. Делёз Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях... М., 2000.
3. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
4. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Соч. : в 8 т. Т. 4. М., 1994.
5. Кант И. Из рукописного наследия: материалы к «Критике чистого разума». М., 2000.
6. Катречко С.Л. Как возможна метафизика? // Вопросы философии. 2005. №9. С. 83–95.
7. Катречко С.Л. Моделирование рассуждений в математике: трансцендентальный подход // Модели рассуждений – 1: Логика и аргументация. Калининград, 2007. С. 63–90.
8. Катречко С.Л. Трансцендентальная философия математики // Вестник Московского университета. 2008. №2. С. 88–106.
9. Катречко С.Л. Трансцендентальный метод и современное естествознание // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность. Калининград, 2008. С. 186–204.
10. Катречко С.Л. Трансцендентальная модель сознания как последовательное преодоление субстанционализма // Материалы Ломоносовских чтений – 2009. М., 2009. С. 109–117.

²⁴ Ср.: «...мысли без [интуитивного] содержания пусты» [3, с. 71; В 75].

11. Катречко С.Л. Актуален ли трансцендентализм сегодня? Трансцендентальная философия как теория науки (опыта) // Философия, образование, наука : тр. каф. филос. естеств. ф-тов МГУ. М., 2010. С. 135–145.
12. Катречко С.Л. Трансцендентальный метод и проблема онтологии // Современная онтология – IV. Проблема метода. СПб., 2010. Т. 2. С. 43–63.
13. Катречко С.Л. Трансцендентальная аргументация Канта как формальная онтология // Модели рассуждений – 4: Аргументация и риторика. Калининград, 2011. С. 147–161.
14. Катречко С.Л. Как возможна метафизика: на пути к научной [трансцендентальной] метафизике // Вопросы философии. 2012. №3. С. 3–15.
15. Круглов А.Н. Трансцендентализм в философии. М., 2000.
16. Хакинг Ян. Представление и вмешательство. М., 1998.

Об авторе

Катречко Сергей Леонидович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии естественных факультетов философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, skatrechko@gmail.com

About author

Dr Sergey Katrechko, Associate Professor, Department of Philosophy for Faculties of Natural Sciences, Mikhail Lomonosov Moscow State University, skatrechko@gmail.com